

ПЕТРОВКА, 38

ИНТРОДУКЦИЯ

— Слышь, Сань, ты не думай, я умный. Я все под контролем держал. Точка в точку сойдется. Он тут ходит, Сань. Он старый, силы в нем нет, а пистолет — на боку. Иль сменщик его — тот молодой, Сань, но это ничего, он молодой, да глупый. А пистолет нам нужен. Безрукие мы, когда пистолета нет. Слышь, Сань, ты не трясяся, не надо, я на риск не хожу, я всегда точно хожу, я все семь раз промеряю... Ты не трясяся, не надо, Сань...

— Я и не трясусь.

— Кассу возьмем на разживу, я ее заметил, кассу-то. А потом у меня два адресочка есть. Профессор и музыкант. На всю жизнь обеспечимся, только ты, Сань, не трясяся. Видишь, у меня рука холодная, это спокойный я, не боюсь, уверен я...

— Помолчи, Прохор.

— Да ты не тревожь себя, Сань. Ты думаешь, это страшно? Не-е, Сань. Человек как петух помирает, он в смерти тихий. Он ее с благостью принимает. Я знаю, я сам мертвым был.

— Когда он пойдет?

— Скоро, Сань. Скоро один из них пойдет. Вот держи кастет, он свинцовый, сразу валит, без звука. Ишь руки у тебя трясутся. Ты их погрей, руки-то, под мышки сунь, они свое тепло почуют, отойдут. Бить надо слабой рукой, она звереет, когда слабая-то.

МИЛИЦИОНЕР КОПЫТОВ

Милиционер Копытов заступил на дежурство в двенадцать часов ночи. Он шел по уснувшей улице не спеша, мурлыча под нос старую тягучую песню. Он помнил ее с детских лет, когда бабка Фро-

ся, вспухшая и громадная, как сундук, тянула эту песню, громыхая у плиты чугунными горшками.

Копытов остановился и, прикрыв лицо от ветра, чиркнул спичкой. Закурил.

Он затанулся и, остановившись под фонарем, посмотрел на часы. Вздохнул, потому что вспомнил Генку — своего средненького. Утром, запершись в уборной, курил, сукин сын, а ведь только двенадцать стукнуло. Копытов долго раздумывал, стоит ли говорить жене, но потом все же решил не говорить. Он решил сам потолковать с Генкой по душам и увел его из дому. Копытов сел на скамеечку и начал Генку уговаривать. Генка молчал и мрачно глядел себе под ноги. Копытов говорил и говорил, и чем дальше, тем ясней чувствовал, что говорит он совсем не то, что следовало бы. Когда-то на него очень сильное впечатление произвел доклад, который сделал у них в отделении старичок-доктор. Особенно его поразило, когда доктор рассказывал, что никотином, если его собрать из одной пачки «Беломора», можно убить лошадь... И еще Копытову понравилось, когда старичок сказал, что лучше выпивать сто граммов водки перед обедом, чем курить хоть одну папиросу.

«Генке этого не выложишь», — подумал Копытов.

Он долго молчал, а потом сказал так:

— Эх, Генк, Генк... Вот ты молодой, а куришь. Я хоть и старый, а ты меня все равно не догонишь, если побежим.

— Догоню.

— Не...

— Догоню, пап, ты лучше не предлагай. Я в школе кросс первым пробегаю.

Копытов рассердился и подумал: «Ишь, сопляк, а самоуверенный».

— Я что сказал? — спросил он. — Или не слышишь? Беги!

Генка поднялся и снова уставился в землю.

— Давай до ворот! — сказал Копытов и побежал.

Он слышал Генкины шаги у себя за спиной. Он бежал все скорей и скорей, но уже ясно понимал, что долго так не пробежит, потому что начал задыхаться. Он обернулся и увидел Генку совсем рядом. Тот бежал легко и, конечно, мог бы легко его обогнать. Копытов остановился и долго дышал носом, чтобы восстановить дыхание. Потом сказал:

— Вот штука какая... А ты, понимаешь, спорил со мной.

— Я не спорил.

— Упрямый ты.

— Я понарошку курю, пап...

— Она как зараза. Сначала понарошку, а потом не вылезешь.

А ведь двадцать копеек за пачку. Помножь ее на триста — вот тебе и велосипед к празднику купим.

— А почему на триста?

— Год получится, не понимаешь, что ль? Триста дней — год.

Умножь на двадцать две копейки, если «Беломор» считать.

— В году триста шестьдесят пять...

— Ну, округлил я.

— Округлил, а выйдет не мужской, а подростковый.

— Так ты ж и есть подросток.

— Я пока подросток, а зато на нем переключения передач нету.

А без переключения — разве это машина?

— Я тебе переключение сам устрою.

— А сможешь?

— Чего не смочь? Конечно смогу.

Генка вздохнул, а потом улыбнулся.

— Пап, только это у нас как в сказке. Откуда мы с тобой по двадцать две наберем? Мамка ведь не будет нам специально на папиросы деньги давать. И потом — я не «Беломор», а «Дукат» все больше курю, а он всего семь копеек стоит.

— Высеку я тебя, Генка, — сказал Копытов, — а то уж больно ты дерзкий.

— Я не буду курить, пап, честное слово.

— Еще мать узнает... Знаешь, что будет?

— Знаю...

— Женщины, они ведь, сынок, нервные. А если еще это дело...

Копытов внезапно замолчал, потому что дальше он хотел говорить о водке, но вовремя спохватился, поняв, что с Генкой об этом говорить никак нельзя.

— Какое дело? — спросил Генка.

— Да так, к слову...

— Про двести с прицепом, что ль? — засмеявшись, сказал Генка. — Ты все думаешь, я маленький, а я через три года на завод пойду...

Копытов поздоровался с дворниками, которые сидели на скамеечке около дома номер семнадцать.

— Здравствуйте, Кузьма Семеныч, — ответили дворники в один голос.

- Все спокойно у вас?
- Порядок.
- Лешка из девятой не буянил?
- Притих.
- Мы ему в отделении сказали: еще раз напьешься — выселим из Москвы...
- Не, пока не нажирался, — сказал дворник Хайрулин.
- Парень хороший. На баяне играет, — сказал дворник Афонин.
- Слышь, Афонин, — спросил Копытов, — а в нашем универмаге велосипеды подростковые есть?
- Есть.
- А взрослые?
- Взрослых давно не завозили...
- Но бывают в продаже-то или химичить надо?
- Иногда бывают...
- А сколько стоит, не знаешь?
- Откуда я знаю, — ответил Афонин, — я свое откатал.
- Ну ладно... Завтра узнаю.
- Скоро к нам вернетесь?
- А вот участок обойду...
- Да посидите, Кузьма Семеныч... Покурим...
- Вернусь — и покурим... Я недолго...

Копытов шел вдоль темной аллеи. Он увидел согнутое молодое деревцо и начал рыться в карманах. Нашел кусок бечевки и подвязал деревцо к шесту, вбитому рядом.

Он отошел еще с полкилометра и увидел на скамейке двух мужчин. Они сидели, низко опустив головы.

Копытов подошел поближе и сказал:

— Ребятки, домой пора. Поздно.

Мужчина, что постарше, замотал головой и замычал что-то невнятное. Второй икнул и улыбнулся Копытову странной, мертвой улыбочкой. Копытов заметил, что лицо его бледно и покрыто испариной.

— И чего напились? — спросил Копытов. — Где живете? Пошли, помогу дойти хоть... Вот ведь нажрались-то, а...

Второй поднялся и стал раскачиваться с носка на пятку. Копытов взял его под руку. Удивился, потому что от человека совсем не пахло водкой.

— Или ты больной? — спросил Копытов. — Никак больной?

— Б-больной.

Копытов обернулся, чтобы спросить того, что помоложе, но ничего не успел спросить, потому что страшной силы удар обрушился на него, смял и бросил на землю. Падая, он увидел Генку, который ехал на взрослом велосипеде, жену и бабушку Фросю. Она пела песню и возилась с тестом. А потом все исчезло, стало лишним и безразличным ему — отныне и навсегда.

— Пусть шофер включит прожектор, — сказал оперуполномоченный МУРа Росляков.

Яркий свет прожектора резанул ночь легко, словно острый нож — кусок черного хлеба. Ночь раскололась надвое, и все увидели мертвого Копытова. Он лежал, сжавшись в комочек, щупленький старый человек с большими руками крестьянина. Его руки словно жили еще. Они обнимали землю, сквозь которую пробивалась первая зелень, казавшаяся синей в белом свете прожектора. Росляков долго и внимательно рассматривал голову милиционера, пробитую у виска чем-то тяжелым.

— Вы еще будете долго работать? — спросил он эксперта.

— Право, не знаю. Он очень плохо лежит. Где фотограф, товарищи?

— Тогда вы работайте, а я поговорю с людьми.

Дворники ничего путного рассказать не могли, потому что, кроме самого Копытова, никого не видели, голосов не слышали, и вообще ничего такого, на что следовало бы обратить внимание, сегодня не случилось.

— Он все смеялся: «Велосипед куплю», — сказал дворник Афонин.

— Он тут у вас ни с кем не ссорился?

— Да господи, он же человек мягкий.

— Был, — поправил дворник Хайрулин, — был человек...

Проводник собаки Еремушкин, вернувшись, сказал, что след оборвался в километре отсюда, около стоянки такси.

— Там машин нет?

— Пусто.

Оперативник из отделения, ходивший вместе с Еремушкиным, сказал:

— Проходящая машина была, тормозной след посередине улицы оборван.

— Вы замерыли?

- Да. И ширину и длину.
- Позвоните к дежурному, пусть сообщит в ОРУД.
- Хорошо...

После этого Росляков начал осторожно — метр за метром — осматривать землю вокруг убитого милиционера. Прежде чем сделать шаг, он внимательно обследовал то место, куда надо будет поставить ногу. Он помнил, как однажды комиссар сказал ему:

— Знаете, у кого надо учиться осторожности? У слепых. Они, пока место, куда надо ступать, не ощупают, ногой не шевельнут.

Росляков запомнил это и потом много раз убеждался в точности комиссаровских слов. Он сделал еще несколько шагов и сказал эксперту:

- Тут есть след.
- Сейчас.

Росляков осторожно подобрал окурок «Казбека» и в метре от окурка увидел окровавленную перчатку.

— Товарищ лейтенант, — окликнул его эксперт, — у Копытова пистолет срезан. Прямо с кобурой. Видно, за оружием охотились.

...Последовавшие за этим убийством события подтвердили предположение эксперта. В Москве начала орудовать банда вооруженных грабителей.

Через неделю утром комиссар вызвал к себе начальников двух ведущих отделов и спросил:

— Чем сейчас занимаются Костенко, Росляков и Садчиков? Снимите их со всех дел. Будем создавать специальную группу. Вызывайте сотрудников ко мне на совещание...

ПЕРВЫЕ СУТКИ

Специальная группа

— «8 мая 1962 года в 12:20 двое неизвестных в темных очках зашли в помещение скупки № 1678 по Средне-Самсоньевскому переулку и, угрожая пистолетом и ножами, забрали у работников скупки 384 рубля. Пригрозив, преступники потребовали не выходить из скупки в течение десяти минут после того, как закроется дверь. Работники скупки слышали, как заработал автомобильный мотор, но, когда они вышли, переулок был пуст».

«12 мая 1962 года в 17:45 двое преступников в темных очках вошли в домовую лавку по Холодному переулку, дом № 10/9, за-

перли дверь, перерезали телефон и, угрожая оружием, потребовали выдачи денег. Забрав дневную выручку в количестве 272 рублей, преступники скрылись в неизвестном направлении».

«16 мая 1962 года трое неизвестных зашли в приходную кассу № 765/941 по Большому Васильевскому переулку, дом № 17, заперли дверь, перерезали телефон и, угрожая пистолетом, потребовали у работников кассы всю дневную выручку. Контролер Быкова А. В. вступила в пререкания с преступниками. Воспользовавшись этим, кассир Ямщикова И. Б. нажала сигнальную кнопку. У входа раздался звонок. Преступник выстрелил в Ямщикову И. Б., но промахнулся. Преступники скрылись».

Комиссар кончил читать, несколько раз чиркнул зажигалкой, посмотрел на длинный язык пламени, осторожно дунул на него и закончил:

— Таким образом, все эти три ограбления совершены, бесспорно, одной бандой. Мне кажется, что цепочка эта организовалась после убийства Копытова. Так мне кажется... Выделяю специальную оперативную группу. Прошу Костенко и Рослякова задержаться, остальные свободны. Садчиков будет руководителем, так что вызывайте его из отпуска.

Кассир Ямщикова все время терла щеки, будто они у нее замерзли. Она говорила медленно, спотыкаясь, и, когда начинала новое слово, ноздри у нее раздувались и лоб стягивали морщины.

— Я сегодня с утра стала разбирать вчерашние документы, после того случая. Думала, все ли на месте. И вот нашла...

Она протянула Костенко расчетную книжку по уплате за коммунальные услуги. На первой желтой страничке было написано: «Самсонов Алексей Алексеевич. Улица Льва Толстого, дом 64, квартира 249».

Костенко записал фамилию и адрес на листок бумаги и пошел к телефону.

— Самсонов, — сказал он дежурному. — Да нет же, лучше я по буквам... Семен, Анна, Михаил... Самсонов. Немедленно наведите справку. Мы сейчас вернемся, так что поторопитесь.

Папа с мамой

Костенко даже не успел подняться к себе — дежурный сказал, что комиссар просит немедленно зайти к нему.

Костенко вошел в кабинет.

— Знакомьтесь, — сказал комиссар, — это товарищ Самсонов Алексей Алексеевич.

Самсонов поднялся со стула. Лицо его было опухшим и очень бледным.

— Здравствуйте, — сказал Костенко.

— Вот знаете ли, сын у Самсонова пропал. Ленька. Семнадцать лет парню. Домой не вернулся, папаша переживает.

Самсонов спросил:

— У вас курить можно?

— Чего ж нельзя, можно. Женщин нет.

— Благодарю.

— Благодарить будете, когда сын отыщется.

— Я не спал всю ночь.

— Еще бы! Костенко, свяжитесь с бюро несчастных случаев.

— Уже...

— Ну?

— Там ничего.

— Вы фотографии сына принесли? — спросил комиссар.

— Да.

Самсонов положил на стол десяток фотографий Леньки. Комиссар долго рассматривал парня, а потом спросил:

— Сами снимаете?

— Жена. Я только проявлял.

— Проявитель готовый берете или дома составляете?

— Нет, сам составляю... Вместе с Ленькой.

— Семейная артель?

Самсонов махнул рукой.

— Семейная канитель, — сказал он, — какая тут, к черту, артель!

— Пленка хорошая. Где купили?

— Это немецкая.

— Мелкозернистая?

— Да.

— А я, знаете ли, в воскресенье все магазины обошел — чувствительность сорок пять, и только.

— Вы с блицем попробуйте снимать.

— Какой же портрет с блицем? Это только встречи на аэродроме с блицем снимают. Ну-ка, Костенко, возьмите фото и сделайте копии. Позвоните, покажите, может, кто узнает.

Костенко сразу же позвонил к Ямщиковой, вызвал машину и поехал в приходную кассу. Он положил перед ней на столе несколько фотографий мужчин и подростков. Среди них была карточка Леньки Самсонова. Костенко положил ее с краю, прикрыв уголком другого фото так, чтобы она не бросалась в глаза.

Ямщикова увидела Ленькино лицо, побледнела и сказала тихо:

— Мальчик стоял у двери.

— Это точно?

— Абсолютно. Я не думала, что он такой молоденький. Они все тогда казались мне взрослыми.

— Стрелял не он?

— Нет, другой, в очках.

— А этот так и стоял у двери?

— Нет, кажется, тот, что был в очках, сказал ему: «Стань к окну».

А там стол. А на столе я потом нашла расчетную книжку. Погодите, погодите, у него еще в руках была большая книга. Совершенно верно, большая такая, в красном переплете. Это сейчас все вспоминается, вчера я вообще не могла в себя прийти.

— Понятно. А как книжка называлась, не помните?

— По темно-красному фону — черные слова, а я близорукая, название не разобрала.

Потом Костенко разложил фотографии перед контролером Быковой, и она тоже сразу, без колебаний опознала Леньку Самсонова.

— Он, ирод проклятый, — сказала женщина, — гадюка такая...

— Думаете, ирод? — переспросил Костенко и улыбнулся. — Ему всего семнадцать...

Прямо из кассы Костенко позвонил к комиссару и сказал:

— Он.

— Хорошо. Спасибо вам.

— Мне бы надо постановление... Посмотреть их квартиру...

— Вы давайте сюда подъезжайте. Тут решим.

Когда Костенко приехал в управление, Самсонов медленнопил валокордин. Комиссар подождал, пока тот допил лекарство, и спросил:

— Ну, в прятки нам играть или говорить открыто?

— Конечно открыто.

— Тогда рассказывайте, Костенко.

— Ваш сын, — сказал Костенко, откашлявшись, — вчера вместе с бандой грабителей совершил вооруженное нападение на приходную кассу. Они стреляли в женщину, но чудом не убили ее.

— Так, — сказал Самсонов. — Так, — медленно повторил он.
— Где он может быть сейчас? У родных, у друзей? Как вы думаете?

— Он должен вернуться домой, если жив.

— Он не вернется домой, Алексей Алексеевич. Это ваша? — спросил комиссар, положив на стол книжку расчета за коммунальные услуги.

— Наша, — тихо ответил Самсонов.

— Так вот. Ваш сын оставил ее на месте преступления. Теперь он будет скрываться, понимаете? Если он сразу не пришел к нам с повинной, он будет скрываться. Оружия у него не было?

— Что?!

— Вы проектировщик, в тайге бываете, у вас, видимо, есть нож. Или пистолет.

— У меня есть, но все это заперто в столе.

Комиссар снял трубку телефона, медленно негнущимся указательным пальцем набрал номер, досадливо поморщившись, подул в трубку и сказал:

— Машину к подъезду.

Опустив трубку, он спросил:

— Как сердце, отпустило?

— Сейчас легче...

— Значит, так. Надо будет сейчас произвести в вашей квартире обыск. Пока будете ехать, постарайтесь вспомнить всех друзей Леньки. Понимаете? Всех! Без исключения. Костенко, поезжайте. Да, когда появится Росляков, немедленно отправьте его в школу. Какой номер, не помните, Алексей Алексеевич?

— Девятьсот шестидесятая.

— Хорошо. Спускайтесь вниз, там «Волга».

— До свидания, товарищ комиссар.

— До свидания, товарищ Самсонов.

Когда он вышел, комиссар сказал:

— Успокойте его как-нибудь. В институте о нем говорят — золотая голова.

Пистолета в столе у Самсонова не оказалось. Зато на этажерке в комнате Леньки Костенко сразу же увидел большую книгу в красном переплете с крупными буквами: «Александр Фадеев. „Молодая гвардия“». Он отправил одного из оперативников в приходную кассу, тот вернулся через полчаса и сказал:

— Та самая.

Людмила Аркадьевна, жена Самсонова, ходила следом за Костенко и шептала:

— Это ошибка, послушайте! Леша, скажи им, что это ошибка. Ну что же ты молчишь! Скажи им, что это ошибка.

— Нет, — ответил Самсонов, — это не ошибка.

— Он несовершеннолетний, — сказал Костенко, — так что, может быть, учтут.

— Нет, это ошибка, — повторила Людмила Аркадьевна, — несчастный мальчик, он ничего не подозревает.

— Перестань, — сказал Самсонов. — Надо было раньше думать.

— Холодный и черствый человек, — горько усмехнулась Людмила Аркадьевна, — сердце у тебя мохнатое.

— У меня, наверное, уже нет сердца, — ответил Самсонов и лег на диван. Он снова сделался зеленым, и кончики пальцев у него посинели так, будто отошли в жаре после жестокого мороза.

— Уходите же, — сказала Людмила Аркадьевна, — ему плохо.

Костенко тихо ответил:

— Я уйду, а два наших товарища у вас останутся. И к телефону я попрошу вас не подходить.

— Это произвол, — сказала Людмила Аркадьевна.

— Нет, — ответил Костенко, — это не произвол. Это засада.

Где Ленька?

В школе, где учился Ленька Самсонов, шли последние дни занятий. Росляков пришел туда во время перемены и сразу же оказался среди визга, шума и смеха. Солнце пронизывало насквозь коридоры, и в его желтых косых лучах носились белые пушинки тополей.

— Десятый «А» где? — спросил Росляков девушку, которая сидела на подоконнике с книгой, прижатой к груди.

— На пятом.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Росляков поднялся на пятый этаж и подошел к дверям класса. Там что-то кричали ребята, перебивая друг друга. Росляков поманил к себе парня с повязкой дежурного на рукаве, который ходил по коридору, наблюдая за порядком, и попросил:

— Леньку позови, пожалуйста.

— Какого?

- Самсонова.
 - Так он же исключен.
 - Почему?
 - А он бульдога в класс привел.
 - Ну и что?
 - Ничего. Рычал. Галина Михайловна упала в обморок. Она собак боится. Леньку за гриву в учительскую, оттуда в милицию — и «ариведерчи, Рома».
 - Это когда же было?
 - Позавчера.
 - А сейчас он где? Дома?
 - Что вы!.. Он до этого-то домой только спать ходил. У него предки цапаются. Мы его искали, думали, чтоб он повинился, пустил слезу, но нет нигде. Может, Лев знает.
 - А это кто?
 - Лев Иванович, учитель по литературе. Подпольная кличка — Лев без единого зуба.
 - Почему Лев должен знать?
 - А он у Льва любимчик. Стихи пишет.
 - Хорошие?
 - Ничего. Мне стихи бим-бом, я все больше по химии. А вы откуда сами?
 - Знакомый его. Он мне трешницу должен был, велел зайти. А где его друг, тот... этот... Ну..
 - Сема?
 - Да.
 - Сейчас позову..
- Зазвенел звонок. Ребята бросились по своим классам. Из-за двери выглянул большеголовый черный парень и спросил:
- Это ты от Леньки?
 - Нет. Сам его ищю, — ответил Росляков. — Он у тебя заперся?
 - Да нет!.. Я его обыскался — нигде нет. Он ведь псих. Ты подожди, англичанка идет, после урока поговорим.
 - Ладно, — ответил Росляков и пошел к директору.
- Не может быть, — тихо сказал директор. — Когда это случилось?
- Позавчера.
 - Позавчера? В какое время?
 - В четыре.

- В час мы его исключили из школы.
- А в милицию его за бульдога надо было обязательно таскать?
- Это глупость. Меня здесь не было, понимаете? А завуч решила его припугнуть.
- Что, милиция в роли огородного чучела? Очень умно, а?!
- Да, да, вы правы, конечно.
- Великое преступление — бульдога привел!
- С другой стороны, не маленькое, по школьным законам.
- Закон есть один. Школьными бывают порядки.
- Да, да... Какой ужас! Талантливый парень, просто не верится... Что же делать? Где хоть он?
- Это я здесь хотел выяснить. Кто его самый большой друг?
- Он общительный мальчик. У него много товарищей.
- А Сема?
- Рывчук?
- Я не знаю. Черный, голова у него здоровая.
- Да, это он. Кажется, они дружат.
- Какой у него адрес, можно узнать?
- Сейчас.

Директор вернулся и положил перед Росляковым листик бумаги, на котором был написан адрес Рывчука.

— Да, кстати, — сказал директор, — он дружил с Тюриным. Он наш выпускник, теперь студент...

— Я позвоню, — сказал Росляков. — Вы разрешите?

— Прошу.

Росляков набрал номер и сказал:

— Слава, тут один адресок есть. Запиши, пожалуйста: Новый проспект, семь, квартира девять. Рывчук. Это его друг. И еще Тюрин, адрес надо выяснить.

Он положил трубку, вздохнул и спросил:

— А Лев Иванович ничего знать не может?

— Лев Иванович... Погодите, погодите... Вы правы... Очень может быть. Сейчас я его приглашу, у него как раз «окно».

Лев Иванович оказался стариком с бородой, совершенно беззубым, с удивительными голубыми глазами. Они у него были пронзительные и чистые, как вода. Он сел напротив Рослякова и спросил директора:

— Чем могу?..

Директор сказал смущенно:

— Вот товарищ...

- Я из угрозыска.
 - Очень неприятно.
- Росляков засмеялся:
- Даже так?
 - Именно так... Угрозыск в школе — это всегда тревожно... Что вас к нам привело?
 - Самсонов.
 - Леонид?
 - Да.
 - Что-нибудь по поводу собаки?
 - Нет. Он участвовал в вооруженном ограблении приходной кассы.

Лев Иванович поднялся. Секунду он стоял молча, а потом спросил:

- Когда это было?
- Позавчера в четыре.
- Тут не может быть ошибки?
- Нет. Мы ищем его. Вы ничего о нем не знаете?

Лев Иванович долго молчал, прежде чем ответить. Сегодня утром Ленька позвонил ему и сказал, что хочет прийти и поговорить. Лев Иванович назначил ему ровно на четыре. Ленька и раньше бывал у него, но всегда без звонка. Просто приходил, и старику не было скучно сидеть с ним вечера напролет. Парень был напичкан поэзией, и его стихи казались Льву Ивановичу талантливыми, совсем не школьными и не детскими.

- Нет, — ответил он наконец, — я ничего о нем не знаю.
- Самое худшее заключается в том, — сказал Росляков, — что парень украл у отца оружие. Он как волчонок сейчас.
- Раскаяние и чистосердечное признание... Добровольная отдача себя в руки властей — это учитывается юрисдикцией или сие формальность? — спросил Лев Иванович.
- Учитывается, — ответил Росляков, внимательно поглядев на учителя. — Сие по новым временам — не формальность, смею вас уверить...

Ленька пришел к Льву Ивановичу ровно в четыре. Старик негромко крикнул из комнаты:

- Ты ноги, пожалуйста, вытри, я сегодня натер пол!

Ленька стоял в коридоре большой коммунальной квартиры возле открытой двери Льва Ивановича. Он стоял, закрыв глаза, устало

опустив руки вдоль тела, взъерошенный, осунувшийся и по-мальчишески еще нескладный. Несколько раз он собирался переступить порог, но каждый раз что-то удерживало его, и сердце гулко падало в груди, а кровь прилиwała к голове и щекам. Потом он вошел и сказал:

— Здравствуйте, Лев Иванович.

— Здравствуй, Леонид. Садись.

— Спасибо. Постою. В ногах правда.

— Скверное настроение? — спросил старик.

— Скверное. Хорошее какое слово — «скверное». Почему-то оно уходит из устной речи.

— Век требует более резких определений, да? «Дрянное» — это, по-видимому, точнее?

— В моем положении — да.

— А что случилось?

— Да ничего особенного... Так, глупость...

— У нас сейчас с тобой идет разговор по принципу: язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли, не так ли?

— Вроде бы...

— Жаль. Надо быть всегда искренним. Как Достоевский. По моему, он самый искренний человек из всех искренних.

— Он был жестоким.

— Есть жестокость и жестокость. Важно, на чем она зиждется.

— Можно ли оправдывать жестокость, Лев Иванович?

— Можно. Восторгаются ведь Желябовым, Перовской и Кибальчичем, которые убили императора Александра Второго, а ведь он, по отзывам некоторых современников, был, я бы сказал, обаятельным человеком. Понимаешь? Жестокость Желябова была жестокостью правды во имя доброты.

— А жестокость по отношению к человеку, совершившему глупость?

— Какую глупость?

— Просто глупость. Обыкновенную глупость.

— Видишь ли, человек, совершающий обыкновенные глупости, либо психически нездоров, либо предельно эгоцентричен. По-видимому, надо очень четко и честно определять людские поступки, и тогда то, что нам кажется глупостью, может на поверку оказаться либо преступлением, либо узкомыслием. Узкомыслие в больших вопросах — также преступно. И в общегосударственных, и в человеческих.

— А если преступление рождено глупостью?
— Оно так же ужасно, как и рожденное умом. Тут разница только в степени жестокости. Кстати, иной раз преступление, продиктованное глупостью, бывает более жестоким, нежели рожденное умом. И то и другое должно быть наказуемо.

— Но преступление не принесло никому никакого вреда.
— Так не бывает. Преступление, даже не совершенное, а задуманное, уже породило преступника.

— Вы учили меня честности в поэзии, Лев Иванович...
— Не может быть честности в чем-то. Это не честность, если она частична. Честность должна быть генеральным качеством человека.

— Лев Иванович...
— Да.
— Знаете, наверное, мир все-таки ужасно устроен.
— Чепуха. Он устроен логично, а потому — прекрасно.
— Логична геометрия, — сказал Ленька, — а что в ней прекрасного?

— Мы же говорим о мире, а не о геометрии...
— Лев Иванович...
— Слушаю тебя...
— Можно, я попью воды?
— Конечно.

Ленька ушел на кухню, и старик услышал, как он пустил воду из крана. Учитель знал, что Ленька всегда подолгу ждет, пока сойдет теплая вода и пойдет студеная, «из земли». Потом он услышал, как Ленька стал пить воду. Он пил ее прямо из-под крана, чмокая губами. Потом стало тихо, и только несколько капель звонко разбились в раковине.

«А ведь это все какая-то дикость, — подумал Лев Иванович, — наваждение...»

Этот не знает

Тюрин — выпускник той школы, где учился Ленька, — сидел дома и чертил хитрый курсовой чертеж. Он услышал протяжный звонок и пошел открывать дверь.

— Кто там?
— С Мосгаза.
Он открыл дверь, впуская Костенко, и сказал:
— Только извините, я в трусах.

— В трусах — не в бюстгальтере, — ответил Костенко, — переживу.

Тюрин засмеялся.

— Веселый Мосгаз, заходите...

— Я тягу проверить, — сказал Костенко.

— Тянет хорошо.

— Порядок есть порядок.

Тюрин притащил лесенку, поставил ее к ногам Костенко и вернулся к своей чертежной доске.

— Вы б поддержали меня, а то загремлю, — попросил Костенко.

— Вы долго будете тягу смотреть?

— Тягу не смотрят, ее чувствовать надо...

— Тяга — она, как говорится, и есть тяга...

Костенко взобрался на лестницу, продолжая ворчать:

— Сейчас в двести сорок девятой был, так лесенку попросил, а хозяйка меня обругала.

— Людмила Аркадьевна?

— А бог ее знает... Фифочка.

— Женщина с характером. Кого угодно доведет.

— Это уж я не знаю, а меня она довела. А сама стоит и плачет.

— Из-за Леньки...

— Это кто? Хахаль?

— Сын.

— Женился?

— Из дому сбежал.

— Куда?

— Я думаю, куда-нибудь в Сибирь подался.

— А почему в Сибирь?

— Я там в экспедиции был, с ума сойти, как здорово, ему кое-что рассказал, так он мне потом говорит: «Сбегу к чертовой матери».

— В той комнате у вас стена капитальная?

— В столовой?

— Да. Там, где дверь закрыта.

— Не знаю. Вы сами посмотрите.

Костенко зашел во вторую комнату, постучал по стене, быстро огляделся, увидел большой стол, маленькую горку для посуды и несколько стульев. Леньки там быть не могло. Он вышел в коридор.

— Придется еще прийти к вам, — сказал Костенко.

— Только пораньше приходите, а то я в институте, мамаша на фабрике, дом пустой.

— Ясно. Мне к этой дамочке снова надо идти, а душу выворотит. Дождусь, пока ее парень вернется.

— Ленька? Он не вернется.

— Неужто мать не жалко?

— Нет, жалко, конечно... Родители как-никак.

— Если он письмо вам черкнет, сказали бы матери-то...

— Думаете?

— Точно. Переживает — лицо как свекла стало. А что вы, друг ему?

— Друг не друг, а товарищ.

— Ну, пока.

— Всего хорошего.

— Так наши еще раз зайдут.

— Хорошо. Только утречком.

— Ясно. До свидания.

— Счастливо.

Леньке плохо

Людмила Аркадьевна стояла в спальне у окна и плакала. Оперативник из отделения сидел около телефона. Телефон молчал. Самсонов полулежал в кресле. Рядом с ним был Росляков.

— Алексей Алексеич, — сказал он, — вы не можете вспомнить, как у вас прошел позавчерашний день?

— Вас интересую я?

— Меня интересует все.

Самсонов отвернулся к окну.

«Позавчера, — вспоминал он. — Что же было позавчера? Днем я был в Министерстве финансов. Потом вернулся в институт. Это было, кажется, часов в пять...»

Он чувствовал усталость во всем теле. Ему было больно пошевелиться. Он слышал, как в приемной секретарша печатала на машинке. Стук клавишей казался ему оглушительным грохотом. Самсонов нажал кнопку вызова секретаря и услышал, как в приемной пронзительно и тревожно зазвенел звонок. Стук клавишей сразу же прекратился, зато громко и быстро затопали каблучки. Он поморщился.

Вошла секретарша и улыбнулась дурацкой киноулыбкой.

«Откуда это у нее? — подумал Самсонов. — Такая славенькая, а улыбается, как звереныш».

— Вы звали меня?

— Да. У вас еще много работы?

— Пять страниц.

— Хорошо. Только, пожалуйста, подложите что-нибудь под машинку. Она ужасно гремит.

...Из своего кабинета Самсонов ушел около десяти, когда все цифры и выкладки, необходимые для завтрашнего совещания по проекту, были им выверены по нескольку раз. Он отпустил шофера и пошел домой пешком. Он шел и чувствовал, как в затылке у него снова нарастала боль; он ощущал, как боль растекалась по всему телу, проникала в позвоночник, в предплечья, в пальцы и в кончики ногтей.

Около самого дома эта проклятая боль, доставшаяся ему в наследство от контузии, стала немыслимой. Он остановился и, прислонившись к стене, замер. Потом начал осторожно массировать виски. Какой-то паренек, проходивший мимо, спросил:

— Вам плохо?

— Немножко, — ответил Самсонов сквозь зубы.

— Тут в гастрономе воду продают.

— Спасибо, — сказал Самсонов и пошел в гастроном.

Он выпил стакан нарзана, и в голове у него зазвенело тонко-тонко, будто в тайге весной, когда много мошки. Самсонов очень любил это время в тайге. Он полюбил его с сорокового года, когда проектировал дорогу от Магадана к прииску Стремительному.

Когда он вошел в квартиру, Людмила Аркадьевна сидела посредине столовой в вечернем платье. Глаза у нее были красные и злые.

«Черт, ведь сегодня мы должны были идти в театр, — сразу же вспомнил Самсонов и похолодел. — Сейчас начнется...»

— Людочка, — сказал он тихо, — я совсем замотался, прости меня.

Людмила Аркадьевна молчала.

— Я готовился к завтрашнему совещанию у...

Она перебила его:

— У какой-нибудь очередной бабы?

— Как тебе не совестно!..

— Это ты мне говоришь о совести? Я целыми днями стою у плиты, мне опротивело все это!

— Пойди работать.

— Негодяй!
— Ну вот...
— Ты исковеркал всю мою жизнь, понимаешь? Я готовила тебе еду, гладила рубашки и воспитывала твоего сына! А ты шатался, где хотел! А мне уже сорок!

— Здесь же Ленька...
— Он взрослый мальчик, он все понимает!

Самсонов махнул рукой и начал снимать галстук. Потом он пошел в спальню.

— Как мартовский кот, — продолжала говорить Людмила Аркадьевна, — напакостил — и дал деру!

— Это мы так воспитываем сына?
— Ты еще издеваешься надо мной!
— Миронова и Менакер. Театр миниатюр.

Самсонов захлопнул дверь и лег на тахту. Людмила Аркадьевна распахнула рывком дверь, стала на пороге и сказала:

— Если ты сейчас же не прекратишь своих безобразий, я... я...
— Повесишься, — устало отозвался Самсонов, — знаю, слышал.
— Мальчик, — крикнула Людмила Аркадьевна, — послушай, как глумятся над твоей матерью!

Ленька медленно вышел из самсоновского кабинета. Самсонов заметил, что лицо у парня белое, с синяками под глазами.

— Что с тобой?
— Это ты доводишь его до болезни! — крикнула Людмила Аркадьевна.

— Что с тобой? — повторил Самсонов, поморщившись.
— Ничего, — ответил Ленька, — просто я вас ненавижу...

И — ушел из дому.

Самсонов обернулся к Рослякову и сказал:

— В общем-то, ничего особенного позавчера не произошло.
— Ссоры дома никакой не было?
— А это, пожалуй, наше личное дело.
— Если бы не ограбление приходной кассы.
— Вы проводите связь между этими событиями?
— Я пока, Алексей Алексеевич, ничего не провожу. Я пока спрашиваю...

— Ну дальше? — попросил Лев Иванович.
— А дальше я хотел все рассказать отцу.
— Почему не рассказал?

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕТРОВКА, 38	5
ОГАРЕВА, 6	171
ПРОТИВОСТОЯНИЕ	317
ТАСС УПОЛНОМОЧЕН ЗАЯВИТЬ... ..	577